

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

территориального единства страны, ограниченной морем, горами и пустыней, так и единством этнического состава, проявление которого он видит в ассимиляции чуждых элементов. Если эта основная идея его работы требует все же дальнейших обоснований, несмотря на соблазнительную внешность, то еще более шатка вторая — об исключительно благотельных результатах «франкского» влияния на арабском востоке. Относительно эпохи крестовых походов Лямменс, быть может, даже несколько односторонне подбирает доказательства, пользуясь одними сообщениями путешественника Ибн Джубейра, но оставляя в стороне другие сообщения его же или почти современного ему Усамы ибн Мункуза.

Таким образом, при чтении книги надо помнить не только про то, что она написана выдающимся ученым, но и про то, чем она была вызвана и какие цели преследовала. По инициативе генерала Гуро в Сирии в 1920—1921 году предполагалось устроить краткосрочные курсы для офицеров-администраторов. На этих курсах Лямменсу было предложено прочесть ряд систематических лекций по истории ислама, Сирии и французского проникновения на восток. Малое количество отведенных лекций заставило объединить изложение в одну схему. Курсы не состоялись, но подготовленный для лекций материал дал Лямменсу возможность выпустить настоящую книгу. При тройной предстоявшей ему задаче делается понятной известная непоследовательность плана, которая была отмечена. Определенная французская ориентация сказалась в том, что роль французского воздействия на Сирию представлена в слишком ярком свете сравнительно с общим масштабом европейского влияния. Совершенно затусована роль Италии, в сущности подготовившей дорогу для Франции в 60-х годов. В книге общего характера нельзя было бы не отметить значения для Сирии непосредственной связи со средневековыми итальянскими торговыми республиками, деятельности итальянских францискан, влияния различных коллегий в Риме и т. д. Не мог автор отрешиться и от известных политических пристрастий при оценке событий последней войны и восстановления Сирии. Военная деятельность английского генерала Алленби систематически затеняется для выдвигания на первый план роли французского отряда под начальством капитана Пизани; личность эмира Файсала (нынешнего короля Месопотамии) обрисовывается с плохо скрываемым недоброжелательством, иногда прямой насмешкой и т. д. Темперамент автора здесь оказывается сильнее объективности ученого, но едва ли в современной истории можно найти книгу очевидца рассказываемых событий, которая не выдавала бы тех или иных симпатий писавшего ее лица. Имеющему в виду это обстоятельство не трудно будет учесть

абсолютное достоинство книги; несомненно, что с указанной оговоркой новую работу Лямменса можно признать лучшим в настоящее время общим очерком истории Сирии от седой древности до 1922 года.

И. Кр.

● *P. J. André. L'islam et les races. Tome premier. Les origines, le tronc et la greffe. Paris (Paul Geuthner) 1922. 8° XXVI + 270.*

Франция всегда была богата так называемой «колонизальной» литературой по мусульманскому востоку. Главными ее поставщиками и потребителями являлись обыкновенно деятели в находящаяся под протекторатом Франции областях: офицера, администраторы, дипломаты. Из многих вырабатывались впоследствии солидные ученые, и немало представителей Collège de France или Школы Живых Восточных Языков прошло в молодости этот стаж. Преимущественно их трудам обязана своим богатством литература по Алжиру или Марокко; в тех случаях, когда они касались известных им областей или сообщали личные наблюдения, наука от этого только выигрывала. К сожалению, нигде так, как в той же колонизальной литературе, не развито стремление к широким обобщениям по истории ислама, к новым теориям, захватывающим не только хорошо знакомые автору области, но и требующим большой предварительной работы и полного знакомства со всей научной литературой не только на французском языке. Обыкновенно научное значение таких работ, в противоположность личным наблюдениям автора, совершенно ничтожно.

Эта колонизальная литература особенно разрослась за последнее десятилетие, и ярким образчиком ее отрицательных сторон может служить настоящая книга, хотя автор обладает большими положительными данными для другого рода работ. Из нескольких рекламного предисловия Henri Froidevaux мы узнаем, что в 1909—1910 году он работал в аджирской Сахаре и на границах с Марокко, в 1911—1912 г. у африканских и аравийских берегов Индийского океана от Маската до Занзибара и страны Наталь, в 1913—1915 г. в Марокко, где изучал область Таза и, наконец, в 1919—20 г. в Киликии во время ее оккупации французами. Ему принадлежат несколько работ географического, этнографического и политического характера, которые, по отзывам специалистов, принесли пользу для знания с соответствующими областями.

Данная книга должна, судя по предисловию, представлять руководство преимущественно для колонизальных деятелей по вопросам, связанным с мусульманским миром в его настоящем (стр. IX—X). Однако, построение задумано автором едва ли удачно: он предполагает осветить историю мусульманских сект, как отражение различных

рас, вошедших в ислам. Развитию этой темы должен быть посвящен второй, пока не вышедший том. Не говоря о шаткости самой расовой теории, неудачное применение которой к исламу вызвало оставленное теперь мнение о шийтстве, как отражении иранского народного духа, едва ли автор достаточно подготовлен к трактовке таких сложных и неразработанных вопросов. Настоящий том посвящен общей истории ислама и мусульманского мира от Мухаммеда до современной Турции и восточного вопроса, но некоторый интерес представляют только изредка встречающиеся параллели из хорошо знакомой автору кочевой африканской жизни или данные о последних политических событиях в Турции, свидетелем которых он был. Историческая часть обличает недостаточное знакомство с европейской научной литературой; автор без разбора пользуется очень разнообразными пособиями самого различного научного достоинства. Особенно опасно для руководства плохое знакомство с фактами и частые элементарные ошибки. Корану приписывается (стр. 21) упоминание матери пророка Амины, хотя о ней нигде нет речи; известный дядя его Абу Талиб назван (стр. 22) Абу Бекром; абиссинские христиане считаются (стр. 27) несторичанами вместо монофизитов; город Басра упоминается при Мухаммеде (стр. 35); угрозы огнем и адом в Коране связаны с влиянием медийских евреев (стр. 47), хотя они появляются, главным образом, в мекканских сурах; мусульманскому праву приписывается (стр. 50) фантастическое требование, чтобы еврей для принятия ислама обратился раньше в христианство; сунна поясняется (стр. 78) как Коран и хадисы и т. д. Автор, повидимому, плохо владеет арабским языком; об этом говорит очень искаженная в зависимости от его пособий передача терминов и имен: географ аль-Якуби переделан (стр. 135) в Ибн Якуба, династия хамданидов смешана (стр. 161) с хаммадитами, и даже основатель омейядской династии систематически называется Маовия (стр. 107, 108, 109 и др.). При невозможности пользоваться непосредственно источниками, сомнительно, чтобы второй, более ответственный том, где автор собирается развить новую теорию, оказался сколько-нибудь полезным руководством для неподготовленных читателей.

И. Кр.

● *Jouveau-Dubreuil. L'Inde et les Romains. Paris, 1921. Стр. 7 in 8°.*

Интересная брошюра Жуво-Дюбрёля принадлежит тому новейшему течению в индийской историографии, которое стремится показать, как неправильно было наше старое представление об обособленности Индии с древнейших времен. Чем больше мы изучаем историю Индии, тем больше мы видим доказательств тому, как многообразны и обширны были сношения Индии с Западом,

Севером, Востоком и Югом. Разбираемая брошюра касается одной из сторон этих сношений, сношений Индии с Римом.

Древнейшие сношения у Рима были с Югом, — мы постоянно находим большие клады римских монет, золотых и серебряных, на юге Индии, чем оправдывается негодующее замечание Плиния, что Индия выкачивает из Рима все золото. Эти сношения были торговые: Рим поставлял западные предметы роскоши, одежду, стекло, некоторые металлы, кораллы, мази, духи и т. п.; Индия посылала жемчуг, драгоценные камни, перид, слоновою кость, ткани, в особенности эти тончайшие, прозрачные ткани, почти ничего не весившие, секрет изготовления которых принадлежал Индии и которые так ценились римскими женщинами. В южно-индийской литературе в очень старые времена говорится и о западных кораблях, и о западных войнах, и о товарах Запада. Римская монета одно время была несомненно единственной ходившей в стране монетою. Расцвет сношений, если судить по монетам, относится к I веку н. эры. С конца этого столетия возобновляются сухопутные сношения Севера Индии с Западом, которые были так обширны до появления парфия в Персии. Здесь главной передатчицею становится Сирия, сношения с южной Индией постепенно падают. Усиливается опять греческое влияние, влияние греко-римского мира. Недалеко уже то время, когда сношения Индии с Западом выяснятся для нас вполне, и мы тогда несомненно убедимся, что и Индия дала много Западу и много получила от него.

Интересно, живо и компетентно написанная брошюра Жуво-Дюбрёля прекрасно дополняет известную книгу: E. Goblet d'Alviella. *Ce que l'Inde doit à la Grèce. Paris 1887.* Для тех, кто заинтересуется вопросом об отношениях Индии к Греции и Риму, мы рекомендуем книги M'Crindle; *Ancient India as described by Megasthenes and Arrian. L. 1877, Invasion of India by Alexander the Great 2 изд. Westminster 1896; Ancient India as described in Classical Literature. Westminster 1907; соответствующие главы в Cambridge History of India vol I. Ancient India. Cambridge 1922. и G. Rawlinson. Intercourse between India and the western world. Cambridge 1916.*

Сергей Ольденбург

● *A. Foucher. Lettre d'Ajanta. Journ. As. Avril-Juin 1921 стр. 201 — 245.*

Под этим скромным и мало говорящим читателю названием скрывается прекрасная работа о знаменитых пещерах Аджанты, фрески которых являются одним из замечательнейших памятников древней индийской живописи.

Впервые эти знаменитые фрески были осмотрены и изучены на месте высококомпетентным специалистом по буддийскому искусству, притом столь исключительно

компетентным как А. Фушэ¹⁾. Читая эту превосходную работу, специалист переживает те же тяжелые ощущения, какие переживал автор, когда на каждом шагу убеждался, сколько драгоценнейших памятников этой столь мало известной древнеиндийской живописи погибло в Аджанте, благодаря неумению во время сохранить и предохранили от порчи фрески.

Приходится с горечью признать, что как в Восточном Туркестане европейские археологические экспедиции были в общем весьма неудовлетворительно оборудованы, так и в Индии дело сохранения памятников до последнего времени оставляет во многом желать лучшего. Эта критика не упрек, а только констатирование факта, объяснение которому очень просто: хорошее техническое оборудование стоит очень дорого, а ни одно государство в мире не научилось еще достаточному уважению к тому, что является делом рук или таланта человека, ибо все эти произведения «искусства», как в сущности их и признают «в кавычках», не представляют той материальной выгоды, которая является решающей при расходах со стороны государства, пока по крайней мере.

Сейчас благодаря просвещенной энергии сэра Джона Маршалла, стоящего во главе археологического дела в Индии и издавшего недавно небольшое, весьма ценное руководство по охране памятников, уже кое что делается. Повторяю, не вина выдающихся предшественников Маршала — Кеннинггэма Бёрджесса и Флита, если им не была предоставлена возможность должным образом охранять памятники древности в Индии.

В Аджанте надо спасать, что еще возможно спасти, и прежде всего описать все, по примеру Фушэ, который приступил к рассмотрению сцен из жизни Будды и предшествовавших этой последней жизни перерождений (джатаки). Отсылая читателя к его интересным и поучительным описаниям, мы не можем не указать на два, чрезвычайно важных, сделанных Фушэ замечания.

Напрасно искать во фресках Аджанты, как это были часто склонны делать до сих пор многие, изображения исторических сцен. Таким образом нам приходится, несомненно, рассататься с легендой об изображении персидского посольства к индийскому царю, с высадкой Виджая на Цейлоне, не приходится более искать в Аджанте портретов Хосроя и прекрасной Ширин. Мы имеем дело с буддийской иконографией и легендой, и только.

Другое очень любопытное замечание: Фушэ касается художественного приема мастеров Аджанты группировать вместе сцены по месту действия, а не только по

времени, по хронологической последовательности. Замечание это особенно ценно тем, что несомненно позволит нам теперь истолковать правильнее многие буддийские художественные композиции.

Если бы вышло больше работ в области буддийского искусства, подобных только что рассмотренной работе Фушэ, то мы могли бы скоро сказать, что знаем буддийское искусство. Но, как известно, хорошие работы редки.

Сергей Ольденбург

● В новом издании «Bulletin de l'Université de Tiïlis» (т. II, стр. 178—196) помещен некролог известного историка искусства *акад. Я. И. Смирнова* (ум. 23 октября 1918 г.). Некролог принадлежит ученику покойного д-ру Г. Чубинашвили (Чубинову) и дает обстоятельную характеристику его научной и преподавательской деятельности, а также работы в Эрмитаже, где Я. И. Смирнов заведывал средневековым отделением.

И. Кр.

● *Aegyptische Sonnenlieder. Uebersetzt und eingeleitet von Alexander Scharff. Mit 8 Abbildungen im Text und 4 Tafeln. (Kunst und Altertum. Alte Kulturen im Lichte neuer Forschung. Band 4), SS. 108. Verlag Karl Curtius Berlin—1922.*

Последние довоенные годы были ознаменованы рядом крупных изданий, ставших познакомиться как круг ученых специалистов, так и широкие слои населения с наиболее выдающимися памятниками классического востока, изданными либо точно текстуально, либо в переводе на европейские языки. Целый ряд многотомных серий на западе, «Культурно-исторические памятники древнего востока» и хрестоматия «Древний Мир» под общей ред. проф. Б. А. Тураева дают нам возможность ближе познакомиться с литературой древнего востока. Мировая война внесла некоторый перерыв в эту широкую научно-издательскую деятельность, и только теперь понемногу в связи с общим оживлением научной деятельности начинают постепенно выходить интересующие нас издания древневосточных памятников, и среди них мы с удовлетворением отмечаем выход в свет интересной, живой и богатой материалом книжки Шарффа под заглавием «Солнечные песни Египта».

Ее задачей является дать наиболее полный, яркий и в то же время строго сжатый подбор древне-египетских солнечных гимнов, песен, молитв и словословий в немецком переводе, подбор, который мог бы удовлетворить и даже заинтересовать новичков и свежестью своего материала строгого специалиста и который в то же время был бы понятен и для неподготовленного читателя. Нам приятно радуется полнота, цельность и систематичность этого подбора, особенный интерес которого для нас заключается в том, что его главной целью

¹⁾ Превосходно снятые фотографии фреск Аджанты принадлежат нашему известному соотечественнику В. Голубеву.